

С. Могилевская
ПОВАРЁНОК
ЛЮЛЛИ

А

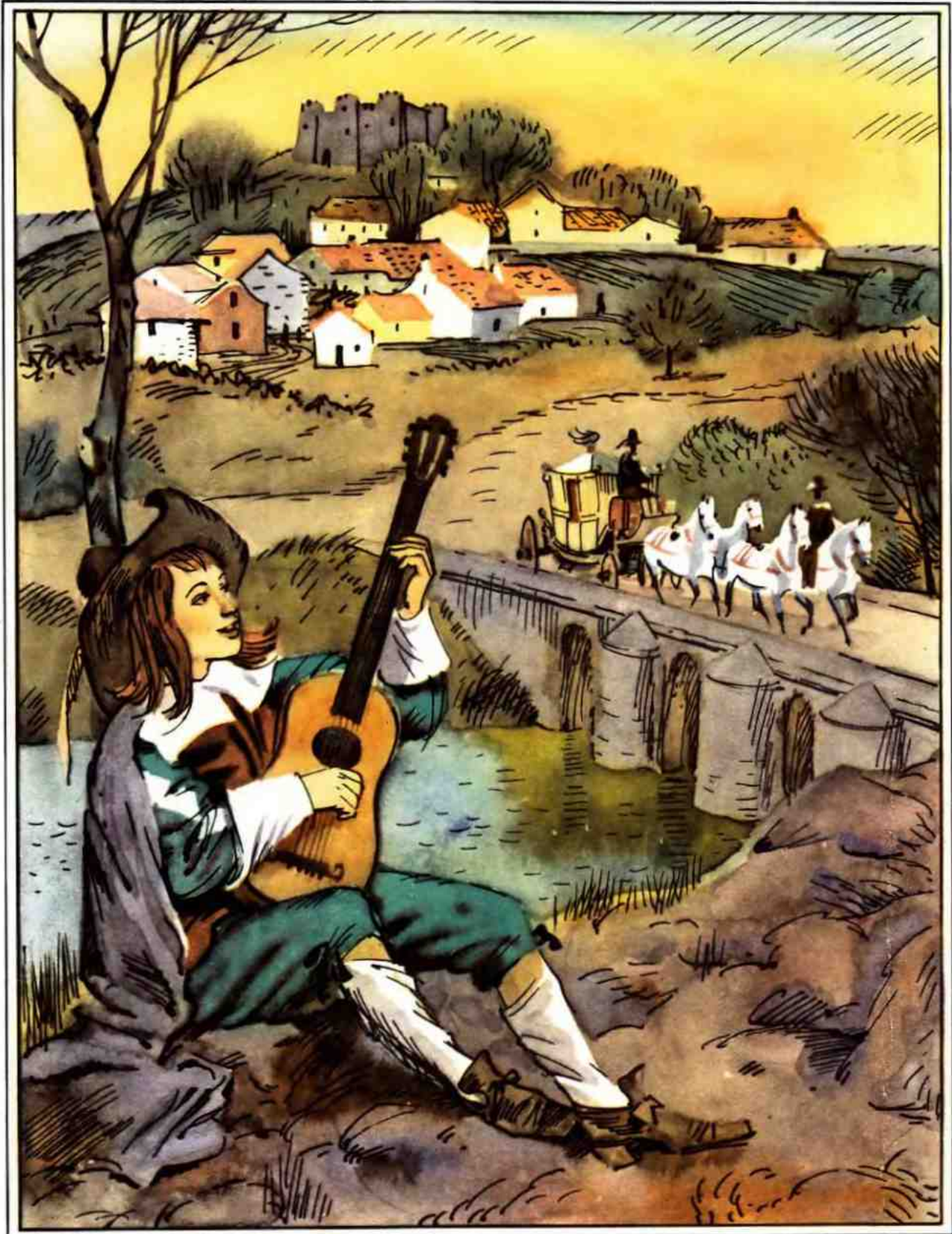

С. Мочилевская

ПОВАРЁНОК
ЛЮЛИ

Рисунки А. Уткина

*Издательство «Детская литература»
Москва · 1971*

Было это давным-давно. Так давно, что тебе это трудно представить.

Так вот, в те далёкие времена, в Италии, в итальянском городе Флоренции жил мальчуган. Звали его Джованни-Баттиста Люлли. Почему Джованни и почему Баттиста? Почему сразу два имени? А у итальянцев так бывает: ребятишкам частенько дают сразу два имени.

Однажды мальчуган Джованни-Баттиста шёл по дороге. Было ему тогда лет тринадцать.

Хоть за спиной его висела гитара, в карманах у него было совсем пусто. Да и в животе не слишком густо. Поутру хозяин прогнал его. Дал хорошего подзатыльника и крикнул: «Таких лодырей мне не надо! Чуть солнце на небо — он хватъ гитару, да за песенки! А работать кто будет? Отправляйся хоть на край света, только подальше от моего дома...»

И теперь Джованни-Баттиста шагал сам не зная куда. А шагая, размышлял: «Неужто и петь нельзя, если петь охота? Бедная моя старушка (это он так гитару называл), что нам с тобой делать? Куда деваться? И поесть ведь тоже неплохо...»

А надо сказать, что мальчишка был один-одинёшенек: ни матери, ни отца, ни братьев, ни сестёр, ни бабушек, ни дедушек... Даже ни одной дальней тётки у него не было!

Вот и брёл наш Джованни-Баттиста по пыльной дороге, которая начиналась у ворот прекрасного города Флоренции, а где кончалась — было ему неизвестно.

Шёл он и шёл, пока не увидел на обочине дороги камень. А увидев камень, он присел на него, положил гитару на колени, легонько провёл пальцами по струнам и заиграл. Заиграл и запел.

Только не думай, что песенка его была грустна и печальна. Ничего подобного! У мальчишки был весёлый нрав, и хоть

в животе у него бурчало от голода, он принялся распевать весёлые песни.

И вдруг вдали показалась карета.

«Ух ты, — тотчас смекнул хитрец. — А не катит ли ко мне густая похлёбка с чесноком, а может, и макароны в придачу? Ну-ка, старушка, давай постараемся для того богатого синьора, который в карете...»

Тут он запел и заиграл ещё веселее, ещё звонче.

А карета, и вправду, проехав мимо, взяла да и остановилась. С козел прыгнул слуга и зашагал к мальчугану, сидящему на камне.

Джованни сразу заметил: и что карета остановилась, и что прямо к нему идёт слуга. Но вида не показал. Играл себе да играл, пел себе да пел. Да всё громче и громче, всё веселее и веселее... Про себя же думал: «Так оно и есть! Идёт ко мне похлёбка. Похлёбка с чесноком! А может, монеты, которую бросит господин за мои песни, хватит и на макароны?»

— Эй, ты!.. — крикнул слуга. — Оглох, что ли? Зовёшь его, кричишь ему... — Он изо всех сил потряс мальчишку за плечо.

Тогда только Джованни-Баттиста перестал играть. Поднял на слугу глаза и спросил удивлённым голосом:

— Не меня ли вы кличете, добрый синьор?

— Поднимайся-ка поживее. Тебя требует сам герцог Гиз.

Мальчишка был смел и боек, за словом в карман не лез.

— Герцог Гиз? — переспросил он. — Это что за птица?

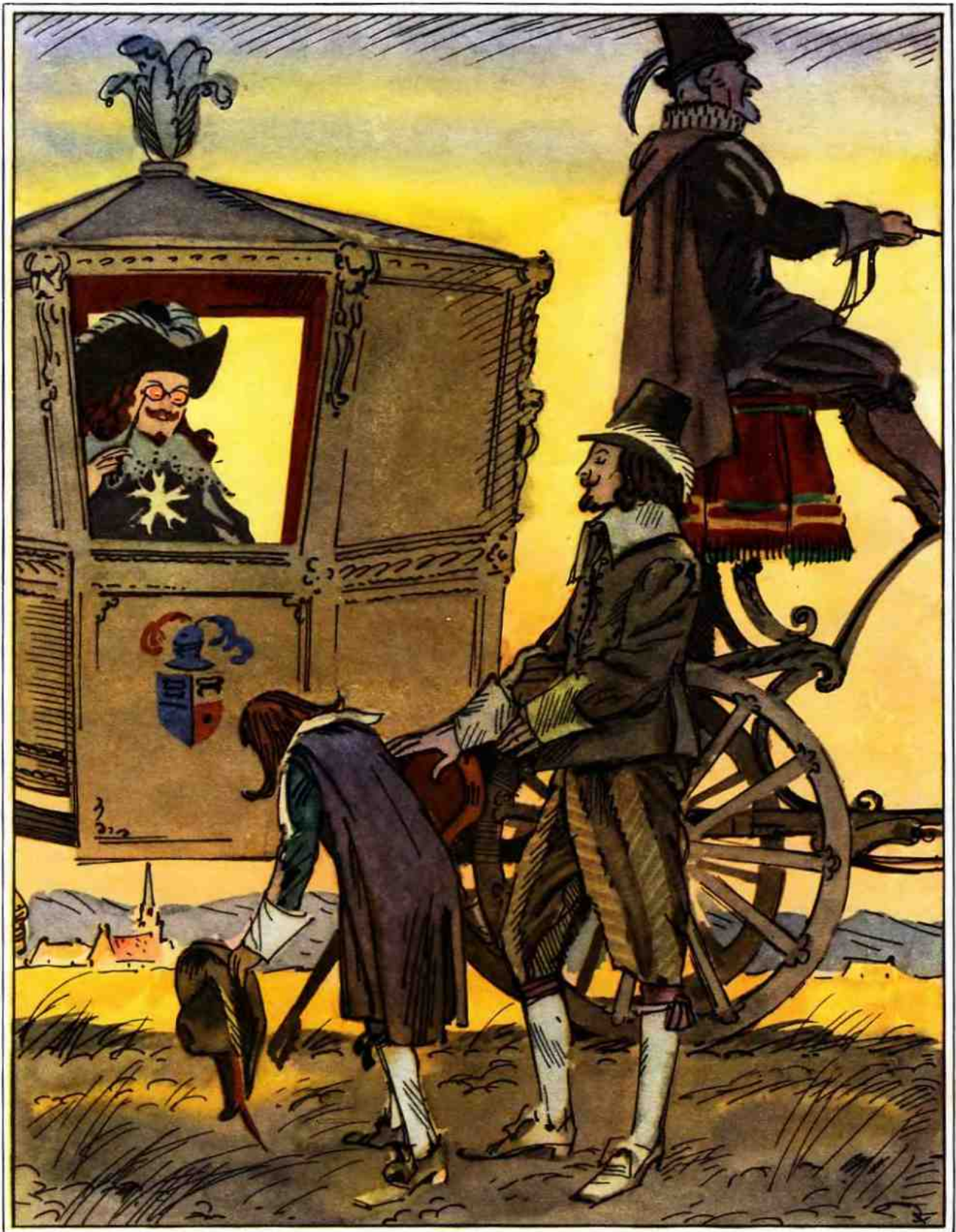
— Поговори мне! — И слуга так толкнул Джованни, что мальчишка чуть не слетел с камня. — Зовут, так иди...

— А вы не пихайтесь, синьор. Я и сам найду дорогу...

С этими словами он поднялся с камня и хоть не очень торопясь, однако пошёл к карете.

Вот уж что правда, то правда: никогда не знает человек, что ждёт его впереди! И наш голодный, но весёлый Джованни-Баттиста Люлли знать не знал и ведать не ведал, что решается судьба всей его будущей жизни. Знай об этом, он не шёл бы таким увальнем, еле переставляя ноги. Он помчался бы бегом.

В те времена герцог Гиз был одним из самых богатых

и знатных людей Франции. Он возвращался из Италии в свой парижский замок.

Люлли, подойдя к карете, учтиво поклонился.

Герцог поднёс к глазам лорнет. Окинул взглядом мальчугана с головы до ног и пробормотал вполголоса, будто про себя:

— Живописен... Весьма живописен! А ну-ка, малыш, спой ещё! Не ленись...

Люлли не заставил себя просить дважды. Песен он знал множество. Можно прямо сказать, что голова и сердце у него были битком набиты песнями. И он запел их одну за другой. Он мог петь до позднего вечера, а то и всю ночь напролёт. Вот до чего Джованни любил свои песни и свою гитару!

Герцог, который понимал толк в музыке, уже не себе под нос, а довольно громко произнёс:

— Гм... Его песни могут понравиться парижанам. А мои музыканты многому могли бы обучить этого сорванца...

— Кланяйся, кланяйся, дуралей,— между тем на ухо шептал Люлли слуга.— Кланяйся ниже.

Но Люлли было не до поклонов. Он глаз не сводил с лица герцога, а душа его была полна смутных надежд.

— Уж не думаешь ли ты, маленький плут, — посмеиваясь проворчал герцог, — что я намереваюсь взять тебя в Париж?

Люлли ничего не ответил, только молча потупился.

А герцог продолжал, откинувшись на атласные подушки:

— Тем не менее это так. Только устраивайся где хочешь. Думается, что на запятках кареты ты доберёшься превосходно, а?

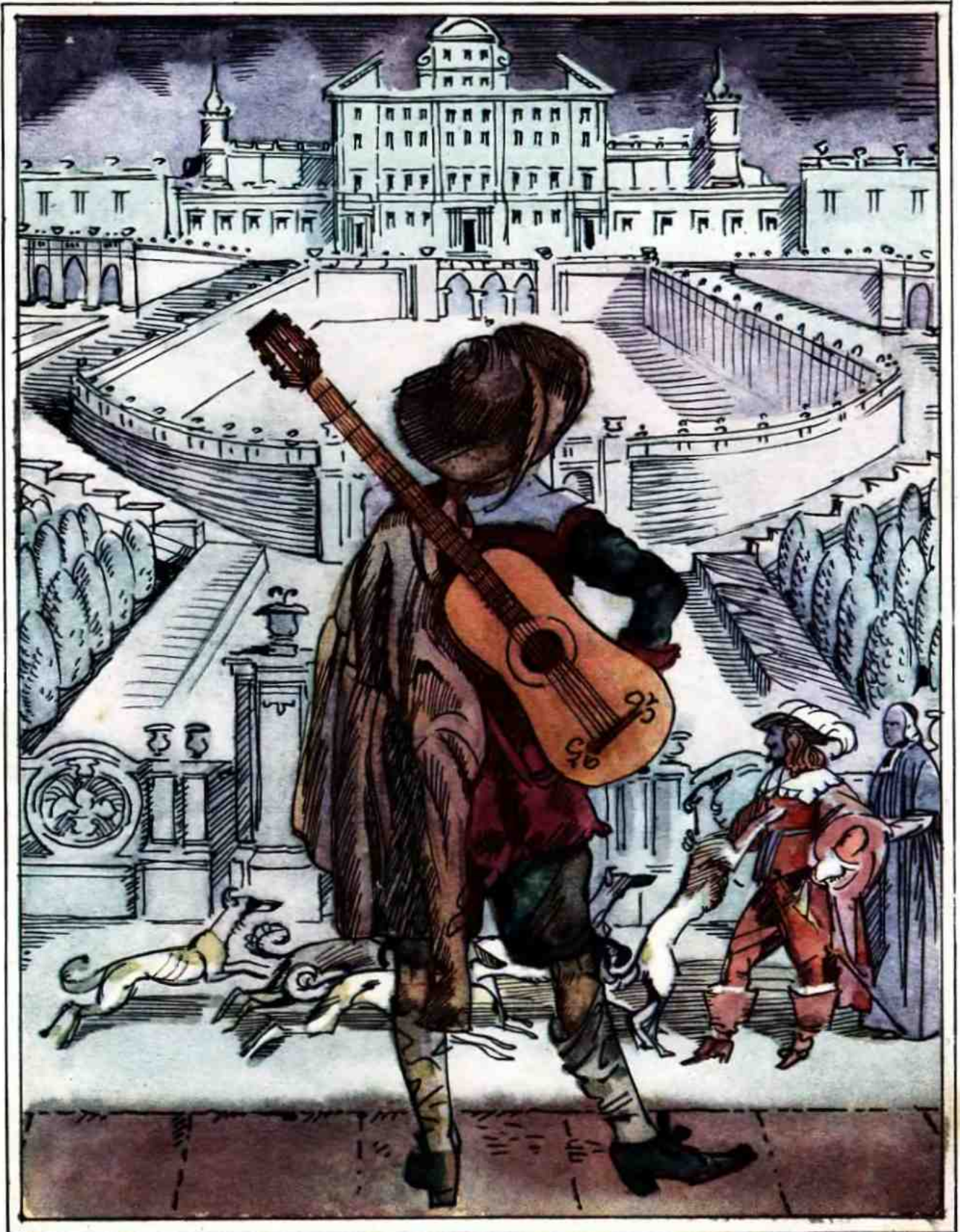
Так, одним прекрасным днём из Флоренции в Париж отправился итальянский мальчуган Джованни-Баттиста Люлли.

* *

*

Что и говорить, не так-то легко ехать на запятках кареты. Да ещё много-много дней подряд. Но он был на редкость стойким и выносливым, этот мальчуган. Он никогда не жаловался.

Наоборот: всякий раз, когда герцог останавливался в какой-нибудь таверне передохнуть и закусить, Люлли пел ему песни, подыгрывая себе на гитаре. И всякий раз вокруг собиралась толпа.

Наконец они приехали.

«Ого, вот это хижина! — подумал Люлли, разглядывая великолепный замок, освещённый огнями.— Одних окошек больше, чем звёзд на небе, о другом я уже и не говорю...»

Но в ту самую минуту, когда карета остановилась у крыльца, управляющий доложил герцогу, что его любимый пёс тяжело захворал. Ах, как расстроился герцог. Он так расстроился, что тут же напрочь забыл и о Люлли и о его песнях.

До поздней ночи мальчик простоял у крыльца, надеясь, что о нём кто-нибудь вспомнит.

Куда там! У каждого свои дела, свои заботы, до него ли тут?..

Лишь на рассвете его заметил главный повар.

— Эге-ге-ге,— пробормотал он, разглядывая мальчика, спящего на траве возле крыльца.— А мне как раз нужен ещё один поварёнок. Не подойдёт ли этот?

И, растолкав Люлли, он приказал ему идти на кухню.

Вот и получилось — вместо музыкантов учителями Люлли стали повара. А вместо игры на гитаре он день-деньской стал ошипывать перепёлок и фазанов, и вместо звуков музыки он день-деньской слушал, как в медных кастрюлях кипят соусы и как на вертелах, шипя, жарятся туши диких кабанов и оленей.

Но всё равно, песни поварёнка Люлли звучали с утра до вечера под низкими сводами кухни. Петь ему не возбранялось.

— Пусть себе горланит,— говорил главный повар,— лишь бы руки исправно делали своё дело!

Так прошёл год, а может, и два. И никогда Франция не гордилась бы своим композитором Жаном-Баттистом Люлли, если бы не один случай...

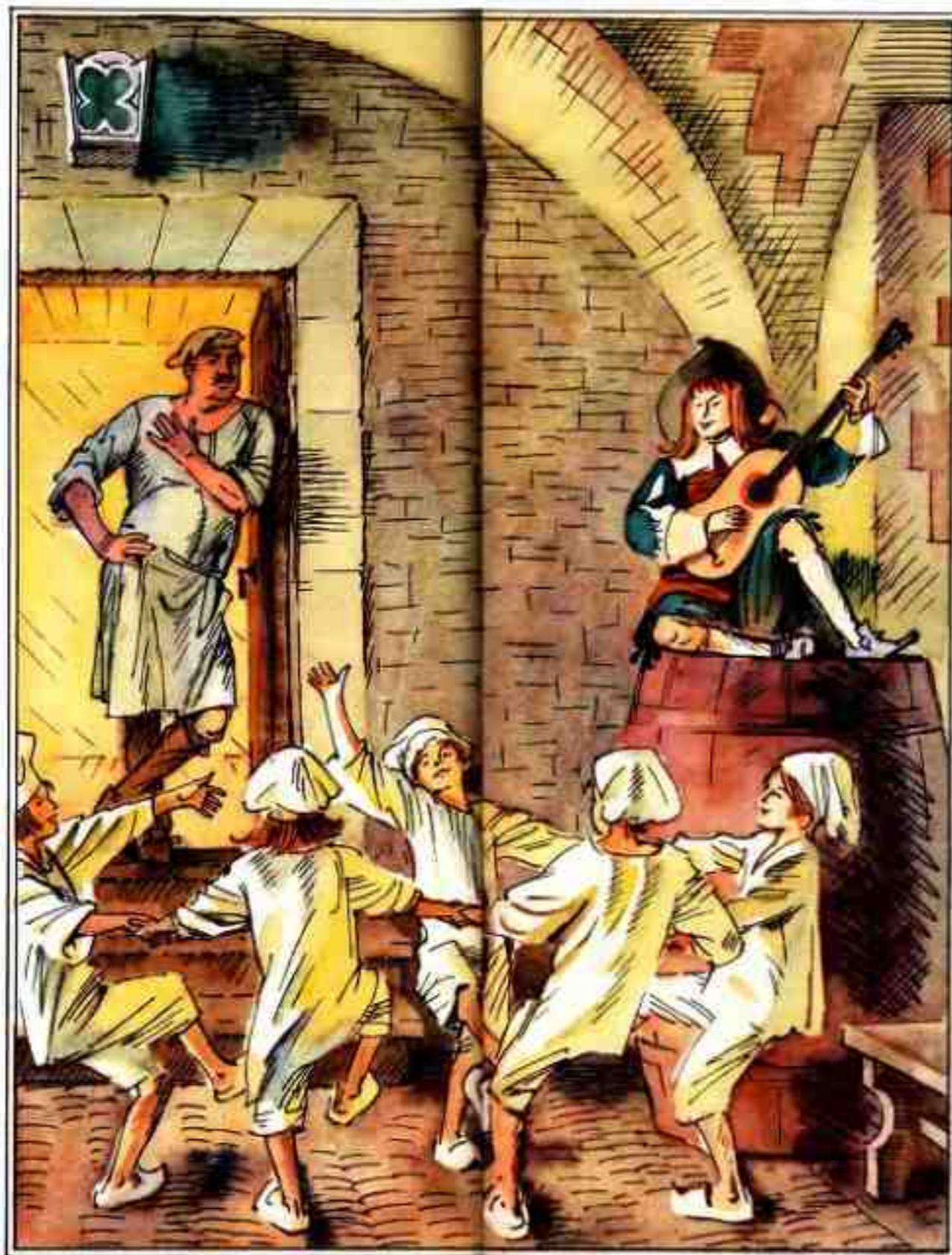
А случилось вот что. Однажды к герцогу Гизу пожаловал сам король Франции по имени Людовик. Хотя в то время королю было не более восьми лет от роду, но королей всегда встречают по-королевски.

В тот день, ещё затемно, в кухне началась великая кутерьма: в честь маленького короля Франции и его свиты готовился королевский ужин. Не меньше десяти поваров возились около больших и маленьких медных кастрюль, орудуя ложками и поварёшками. Не меньше двух десятков поварят ошипывали птицу. В очагах ярко пылал огонь. А среди груды фазанов, куропаток и перепелов, весь облепленный пухом и перьями, сидел и наш Джованни.

По кухне расхаживал главный повар. Он всех поторапливал, на всех покрикивал:

— Живей, живей, бездельники! У нас должен быть такой ужин, чтобы все повара Франции позеленели от зависти. Мы должны зажарить четырёх диких кабанов и трёх оленей! Мы должны приготовить пятнадцать паштетов! Мы должны... А ну-ка, схожу узнаю, к которому часу готовится пир?

Чуть только главный повар переступил порог кухни, как все двадцать поварят и все десять поваров кинулись к Люлли:

— Бросай скорей своих цыплят, Люлли!

— Джованни, вот твоя гитара!

— Залезай на бочку, Баттиста!..

— Тарантеллу давай, Люлли, тарантеллу!

— Нет, лучше сыграй нам гавот, Люлли! Тот самый, который ты недавно придумал...

— Гавот, гавот, гавот! — в один голос закричали все двадцать поварят.

Откуда ни возьмись, в руках у Люлли — гитара, а сам он — на огромной бочке. То-то пошло веселье под низкими сводами кухни!

Всё было забыто — и перепёлки, и фазаны, и даже огромный торт, который украшался розовым кремом и зелёными цукатами. Песня сменялась песней. И вскоре все двадцать поварят и все десять поваров пустились в пляску.

В самый разгар веселья главный повар вернулся в кухню.

— Ах вы, лентяи, бездельники, лоботрясы! — заорал он. — Так-то вы готовитесь к встрече короля Франции! А всё ты, негодный мальчишка! Ты и твоя гитара...

Тут он выхватил гитару из рук Люлли и одним махом запустил в огонь.

Охваченная пламенем, гитара сгорела в одно мгновение. От неё осталась горстка пепла — вот и всё.

Как рыдал бедняжка Люлли! Нет у него больше его старой гитары, которая делила с ним и горести и радости. Шагала вместе с ним по каменистым дорогам Италии и под холодными порывами ветра, и под жгучими лучами солнца. Помогала ему переносить побои хозяев. Теперь он остался один на всём белом свете. Один-одинёшенек...

* *
*

Между тем в прекрасных залах дворца начался бал. В первой паре, чуть касаясь пальцами руки герцогини Гиз, выступал сам король Франции. Он был в золотом камзоле. Локоны его парика лежали на спине. Все танцевали менуэт — плавный и грациозный танец.

Дамы и кавалеры шли парами по блестящему паркету, то останавливаясь и кланяясь друг другу, то степенным, размеренным шагом скользя дальше.

Вдруг король гневно топнул ногой и крикнул:

— Герцог Гиз, сейчас же подойдите ко мне!

Герцог сломя голову кинулся к королю. Все танцующие тоже прекратили танец и обернулись к королю.

— Ваши музыканты никуда не годятся, — сердито сказал король.

— Ваше величество, — начал было герцог, — мой оркестр — лучший в Париже, лучший во Франции... Мои музыканты...

— А я вам говорю: ваши музыканты не умеют играть! Они всё время сбиваются с такта.

— Позвать сюда первую скрипку! — крикнул герцог.

А бедный скрипач тут как тут. Скрипка в одной руке, смычок — в другой. зуб на зуб не попадает от страха. Заикаясь, он бормотал:

— Это... это... это... какой-то другой оркестр нам мешает... Это... это... это... какая-то другая музыка сбивает нас с такта...

Король затопал теперь не одной, а сразу двумя ногами:

— Хочу, чтобы здесь сейчас же был второй оркестр!

Герцог развёл руками:

— Ваше величество, у меня нет и не было другого оркестра.

Но король крикнул: «Я приказываю!» — и слуги заметались по всему замку в поисках неведомого оркестра.

Осмотрели все комнаты, осмотрели все залы замка. Никого! Побывали на всех чердаках. А там только мыши и крысы. Сбежали в парк. Но в парке всюду квакали лягушки да журчала вода в фонтанах. И, наконец, спустились вниз, туда, где находилась кухня.

И вот среди гостей раздался шёпот:

— Нашли второй оркестр... Ведут, ведут музыкантов...

Слуги впихнули в зал мальчугана в поварском фартуке. На чумазом лице поварёнка ещё были заметны следы слёз, но глаза плутовски блестели. По всему было видно, что он ничуть не испугался восьмилетнего короля Франции. Он с любопытством смотрел на золотое великолепие зала.

— Вот он, ваше величество! — низко кланяясь, проговорил первый скрипач оркестра, подтолкнув поварёнка к королю.

У короля с удивлением вздёрнулись брови.

— Но говорили об оркестре, а я вижу перед собою... — тут король весело засмеялся, — лишь одного музыканта! И престранного к тому же...

Все придворные тоже принялись смеяться:

— Ха-ха-ха, вот так музыкант!

— Ха-ха-ха, да это всего лишь поварёнок!

Король нахмурился.

— Я приказал, чтобы здесь был оркестр. Где он?

Тогда, скромно потупившись, Люлли сказал:

— Оркестр — это я! — И прибавил, ничуть не смутившись: — Я и мои кастрюльки.

— Неужели? — спросил Людовик, с любопытством разглядывая бойкого поварёнка.

Но, вспомнив, что как-никак он король Франции, снова топнул ногой. Уже третий раз за этот вечер.

— Хочу видеть, как он играет на кастрюльках! Сейчас же! Немедленно!

— Нет ничего проще, ваше величество! Стоит лишь вам спуститься вниз в кухню. Или... или прикажите всем моим кастрюлькам подняться из кухни сюда, в этот зал.

При этих словах Люлли отвесил королю Франции самый изысканный поклон. Людовик засмеялся:

— Пусть все кастрюльки поднимутся из кухни наверх. Я приказываю!

— И скалки, и скалки,— подхватил Люлли.— Не забудьте про скалки!..— крикнул он слугам, которые тотчас ринулись выполнять приказ короля.— А то чем же я буду выстукивать на кастрюльках мой гавот, ваше величество!

И вот тогда-то и началось самое главное.

Когда слуги герцога притащили из кухни скалки и кастрюльки, поварёнок Люлли, ничуть не смутясь тем, что эти кастрюльки были изрядно закоптелыми, принялся устанавливать их на блестящем паркете зала. А когда они выстроились по порядку, так, как было нужно, Люлли взял в каждую руку по скалке и спросил короля:

— Можно начинать, ваше величество?

Король забыл, что ему нужно ответить по-королевски: «Я приказываю!», и с нетерпением вскричал:

— Начинай же, начинай поскорее!

И Люлли начал выстукивать деревянными скалками на медных кастрюлях гавот — старинный хороводный танец, который так любят крестьяне Прованса.

И надо вам сказать, что это была прелесть что за музыка! Весёлая! Звонкая! И такая живая, что ноги всех придворных дам и кавалеров да и самого короля Людовика готовы были тут же пуститься в пляс.

Едва Люлли сыграл свой гавот до конца, как король воскликнул:

— Хочу ещё раз!

А затем он велел повторить гавот снова, теперь уже в третий раз.

И хотя было ему всего лишь восемь лет, вспомнив, что он всё-таки король Франции, Людовик в этот вечер отдал свой последний приказ:

— Герцог Гиз,— он величественным жестом показал на бойкого поварёнка,— пусть он...

Люлли, отвесив учтивый поклон, проговорил:

— Меня звать Джованни-Баттиста Люлли, ваше величество!

Король чуть нахмурился.

— Герцог Гиз, пусть Джованни-Баттиста Люлли немедленно переедет в мой дворец. Мне нравится его музыка. Я хочу слушать её каждый день.

— А кастрюльки мы тоже возьмём с собой? — чуть посмеиваясь спросил Люлли.

— И кастрюльки тоже пусть едут с нами,— сказал король и, обратившись к герцогу Гизу, приказал: — Герцог Гиз, ваши кастрюльки сегодня переезжают в мой дворец...

Герцог Гиз лишь поклонился.

— А скалки, ваше величество?

— И скалки тоже, тоже! — воскликнул маленький король.

— Только позвольте мне, ваше величество, проститься с моими друзьями? — попросил Люлли.

— Позволяю! — важно сказал король.

И Люлли бегом помчался на кухню. Он нежно простился со всеми двадцатью поварятами и со всеми десятью поварами. А главный повар поклонился ему ниже пояса.

— Как же мы будем без твоих песен, Люлли? — печально спросил самый маленький из поварят.

— Вы услышите их ещё не раз! — весело ответил Люлли, пристраиваясь на запятках королевской кареты.

* * *

*

Но нет, не королю Франции и даже не тем учителям, которые стали обучать его всем музыкальным наукам, был обязан поварёнок Люлли, что стал одним из самых выдающихся компози-

торов Франции. Он всего добился сам — своим большим талантом, своим умением трудиться и своим живым и смелым нравом.

Жан-Батист Люлли прожил долгую и блистательную жизнь. Он написал множество опер, балетов, танцев и песен. Его музыка пользовалась успехом не только среди придворной знати. Его почитал и любил простой народ Франции. Его песни распевали и поварята возле жарких очагов, и угольщики в лесах Нормандии, и булочники, выпекающие хлеб, и виноградари, выращивая золотые и лиловые гроздья на холмах Бургундии.

Цена 19 коп.

Издательство «Детская литература»

Для старшего дошкольного возраста

Могилевская Софья Абрамовна

ПОВАРЕНОК ЛЮД.

Ответ редактор Л. Я. Либет. Художественный редактор С. И. Никиш.
Технический редактор О. И. Яковлева. Корректор Т. Ф. Юдич.
Сдано в набор 27/X 1970 г. Подписано к печати 29/IV 1971 г. Ф
мат 60×90%. Печ. л. 2,5. (Уч.-изд. 1,94). Тираж 300 000 экз.
1971 № 78. Бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знаме
издательство «Детская литература» Комитета по печ
при Совете Министров РСФСР. Москва, Цей
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Крас
го Знамени фабрика «Детская книга»
Росглавополиграфпрома Комитета по
чати при Совете Минист
РСФСР. Москва, Сущева
дль. 49. Зак. № 1

